и ума, дѣлаетъ человѣка отвѣтственнымъ за его жизнь, придаетъ смыслъ бытію его какъ личности, зоветъ его къ церковному общенію въ любви и мирѣ. Въ немъ—наша главная надежда, въ немъ дѣйствительное спасеніе наше; оно неизсякаемый источникъ нравственныхъ и религіозныхъ переживаній...

Какъ же Толстой понимаетъ это ученіе Спасителя? Вотъ что мы читаемъ въ трактатѣ „Въ чемъ моя вѣра“: „никогда Христосъ не только ни однимъ словомъ не утверждалъ личное воскресеніе и безсмертіе личности за гробомъ, но и тому возстановленію мертвыхъ въ царствѣ Мессіи, которое основали фарисеи, придавалъ значеніе, исключающее представленіе о личномъ воскресеніи“. „Христосъ, читаемъ дальше, встрѣтившись съ вѣрованіемъ временнаго, мѣстнаго и плотскаго воскресенія, отрицаетъ его и на мѣсто его ставитъ Свое ученіе о возстановленіи вѣчной жизни въ Богѣ [1])“. Онъ говоритъ: „возстановленіе изъ мертвыхъ бываетъ не плотское и не личное... соединяясь съ Богомъ, *достигшіе возстановленія изъ мертвыхъ, перестаютъ быть личностями*“. И дальше: „Христосъ учитъ спасенію *отъ* жизни личной“. Совершенно отрицая воскресеніе плоти (см. особенно рѣзкія и грубыя слова объ этомъ въ „Крит. догм. богосл.“), Толстой слѣдующимъ образомъ разъясняетъ свое пониманіе ученія Христа.

Христосъ, по толкованію Толстого, противополагаетъ личной жизни не загробное существованіе,—а жизнь общую, связанную съ жизнію всего человѣчества, „жизнь сына человѣческаго“ [1]). Кто исполняетъ заповѣди Христа, жизнь того *переносится* въ „сына человѣческаго“ и *такимъ образомъ* становится вѣчной, не подлежащей смерти. По ученію Христа, какъ его толкуетъ Толстой,

---

[1]) Послѣднія слова очевидно нужно понимать въ томъ смыслѣ, что возстановленная въ Богѣ жизнь будетъ вѣчной, а не въ томъ, что *вѣчная* жизнь будетъ *возстановлена*, что было бы грубымъ противорѣчіемъ.

[1]) Понятіе „сына человѣческаго“ то сливается у Толстого со всѣмъ человѣчествомъ, въ его прошломъ, настоящемъ и будущемъ, то имѣетъ смыслъ Платоновской идеи „человѣчества“ вообще; въ однихъ случаяхъ оно мыслится какъ духовный организмъ, то просто, какъ „общее всѣмъ людямъ стремленіе къ благу“, то какъ разумъ, тождественный у всѣхъ людей. Ни точности, ни опредѣленности это понятіе не имѣетъ, что объясняется его случайностью въ религіозной системѣ Толстого, который пользовался этимъ понятіемъ, когда было ему нужно.